

Rudyard KIPLING. The Gardener (1926)

*Был дан мне гроб - и плакать
На нем до Судного дня;
Но Тот, Кто видит все слезы, -
Он пожалел меня.*

*Один лишь день сквозь годы,
В том дне лишь час один,
Где Ангел, встав от гроба,
Мне камень отвалил.*

Все в деревне знали, что Хелен Таррел безупречна по отношению к окружающим, и более всего - к несчастному ребенку своего единственного брата. Деревня также знала, что Джордж Таррел жестоко искушал терпение семьи с младых ногтей, и никто не удивился, когда выяснилось, что после многих неудачных попыток исправиться и начать наконец новую жизнь он - инспектор индийской полиции! - связался с дочкой отставного сержанта и разбился, упав с лошади, за несколько недель до того, как родиться ребенку. Благодаренье Богу, отца и матери Джорджа к тому времени давным-давно не было на свете, и хотя Хелен, тридцатипятилетняя и независимая, вполне могла умыть руки и не впутываться во весь этот позор, она благороднейшим образом взяла на себя все заботы, несмотря на то, что ей самой тогда угрожало заболевание легких, вынудившее ее отправиться на юг Франции. Она распорядилась относительно переезда ребенка и няни из Бомбея, встретила их в Марселе, выходила малыша от приступа детской дизентерии, схваченной из-за небрежности няньки, которую она тут же рассчитала, и, наконец, исхудавшая и осунувшаяся, но торжествующая, поздней осенью привезла мальчика, уже совершенно здоровенького, домой, в Хэмпшир.

Подробности эти были достоянием всех и каждого, ибо Хелен была ясна как божий день и придерживалась мнения, что скандалы разгораются тем больше, чем тише о них шепчешься. Она признавала, что Джордж, в общем-то, всегда был паршивой овцой в семье, но дело обернулось бы куда хуже, если бы на своих правах стала настаивать мать. К счастью, люди этого класса, похоже, готовы были почти на все ради денег, и поскольку Джордж всегда обращался к сестре во всех своих передрыгах, она чувствовала, что права, разрывая всяческие отношения с семейством отставного сержанта и принимая на себя заботу о ребенке; друзья с ней соглашались. Первым шагом было крещение, совершенное ректором, [1] - мальчика назвали Майклом. До тех пор, насколько она себя знала, Хелен не так чтобы очень любила детей; но она была нежно привязана к Джорджу, несмотря на все его выходки, и отмечала, что маленький Майкл очертаниями рта был вылитый отец, а на таком фундаменте уже можно кое-что построить.

Говоря по правде, Майкл скорее унаследовал тарреловский лоб, широкий, низкий, хорошо вылепленный, и широко посаженные глаза. Рот его был даже чуточку лучше очерчен, нежели диктовало фамильное сходство. Но Хелен, не уступившая бы материнской родне ни единой черточки, торжественно клялась, что он вылитый Таррел с головы до пят, и поскольку возразить ей было некому, сходство было, таким образом, установлено.

Через несколько лет Майкл стал таким, как мечтала о том и какой всегда была сама Хелен - бесстрашным, задумчивым и ясно привлекательным. Шести лет отроду он пожелал узнать, отчего он не может звать ее "мамочкой", как другие дети зовут своих матерей. Она объяснила, что она ему только тетя и что тети - это не то же самое, что мамы, но что он может называть ее "мамочкой", перед тем как ложиться спать, если ему так нравится - пусть это будет их маленьким секретом.

Майкл рыцарски хранил тайну, однако Хелен, по обыкновению, не скрала ничего от друзей; и когда Майкл узнал, разразилась буря.

- Зачем ты сказала? Зачем ты сказала?

- Затем, что всегда самое лучшее - говорить правду, - отвечала Хелен, обнимая трясущегося от рыданий мальчика.